Д.Ю. Бовыкин *

УТРАЧЕННЫЕ ИЛЛЮЗИИ. О КНИГЕ Я. БОСКА

В книге Янника Боска «Террор прав человека. Республиканизм Томаса Пейна и Термидор», которой посвящена рецензия, осмысливается отказ термидорианцев от концепции «естественных прав человека». Анализируя дискуссию вокруг принятия Декларации прав и обязанностей человека и гражданина 1795 г. и позицию, занятую в этих дебатах Томасом Пейном, автор доказывает, что Термидор стал радикальным разрывом с предшествующей идейной и политической традицией. По его мнению, с этого времени демократические тенденции, характерные для первых лет революции, сменились торжеством индивидуализма, прагматизма и утилитаризма. Вопреки сложившейся историографической традиции Боск рассматривает современное политическое устройство Франции не как результат победы «принципов 1789 г.», а как следствие их поражения

Ключевые слова: Декларация прав человека и гражданина, Я. Боск, Т. Пейн, Термидор, Национальный Конвент, конституция, Французская революция XVIII века

DOI 10.32608/0235-4349-2018-1-51-476-486

Утверждение о том, что Декларация прав человека и гражданина заложила основы современной политической культуры, давно уже воспринимается как общее место. Доминирующая во Франции республиканская традиция трактует этот документ сугубо положительно. «Воодушевленное духом века Просвещения Собрание приняло в августе Декларацию прав человека и гражданина, заложив тем самым реальные основы Республики и демократии»[1], – сообщает нам сайт Национального собрания. Соответственно, считают современные левые историки, Революция – «один из ключевых периодов в истории Франции, во многих отношениях главный для понимания сегодняшней Франции: наши современные демокра-

* *Дмитрий Юрьевич Бовыкин, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ГАУГН, доцент кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.*

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00226).

[1] Histoire de l'Assemblée Nationale. – [Электронный ресурс]. Свободный доступ. URL: http://www2.assemblee-nationale.fr/decouvrir-l-assemblee/histoire (дата обращения: 01.08.2018).

тия и общество до сих пор основываются на многих институтах и законодательных актах этих основополагающих десятилетий – от Декларации прав человека и гражданина (1789) до Гражданского кодекса французов (1804)»[2].

Вопросу о том, действительно ли современная Франция основывается на «принципах 1789 года», и посвящена вышедшая недавно книга доцента Руанского университета Янника Боска «Террор прав человека. Республиканизм Томаса Пейна и Термидор»[3]. Ее автор – признанный специалист по истории Термидора, а сама монография – итог его более чем двадцатилетних изысканий.

В центре внимания автора – взгляды Томаса Пейна (1737–1809), которые, как нельзя лучше, позволяют проследить как становление основ современной демократии и политической системы, так и формирование связанных с этим процессом мифов. Пейн был простолюдином, получившим лишь начальное образование, но хорошо знавшим мир и людей. Прожив полжизни в Англии, он в 37 лет решил начинать всё с начала и уехал в Североамериканские колонии, не имея ни денег, ни связей. Опубликованный им в Америке памфлет «Здравый смысл» (1776) принес автору международную известность: в этом сочинении Пейн впервые бросил призыв к колонистам порвать с Англией и создать независимую республику. Познакомившись в ходе Войны за независимость США с рядом французов – Лафайетом, Кондорсе, Бриссо и другими, Пейн в 1789 г. ненадолго посетил Францию. Вернувшись на родину, он выступил настоящим апологетом Французской революции и в ответ на критику ее Э. Бёрком опубликовал в 1791 г. книгу «Права человека», в которой поддержал первые шаги французов по установлению истинно справедливого общества[4]. Поскольку его взгляды не нашли понимания на родине, Пейн перебрался во Францию. Законодательное собрание в 1792 г. дало ему, наравне с рядом других иностранных «защитников свободы», французское гражданство, что позволило Пейну в том же году избраться депутатом Конвента. Там он был близок к жирондистам, из-за чего в январе 1794 г. оказался в тюрьме. Чу-

---

[2] *Biard M., Bourdin Ph., Marzagalli S.* Révolution, Consulat, Empire. 1789-1815. P., 2009. P. 5.

[3] *Bosc Y.* La terreur des droits de l'homme. Le républicanisme de Thomas Peine et le moment thermidorien. P., 2016. Далее сноски на это издание даются в круглых скобках в самом тексте статьи.

[4] Подробнее см.: *Чудинов А.В.* Размышления англичан о Французской революции. М., 1996. С. 60-100.

дом оставшись жив в эпоху Террора, Пейн после Термидора вернулся в Конвент вместе с другими жирондистами. Во Франции он прожил до 1802 г., а затем вновь уехал в США, где и окончил свои дни[5].

Историки порою относились к Пейну не слишком благосклонно, видя в нем безответственного космополита и популиста, чьи идеи были использованы для обоснования Террора. Боск же оценивает его совсем иначе. Для него особенно важны два качества Пейна. Во-первых, тот был не книжником-теоретиком, а, напротив, практиком *par excellence*, который как раз бравировал тем, что за всю свою жизнь не прочел ни одной книги, но всегда имел смелость, говоря словами И. Канта, «публично пользоваться собственным разумом» и здравым смыслом (P. 13). Кроме того, считает автор монографии, взгляд на идейное наследие Революции с позиций Пейна позволяет оценить его с совершенно иного ракурса. Не случайно монографии в качестве эпиграфа предпосланы слова художника и скульптора Ж. Дюбюфе: «Только практикуя менять ракурс, можно обрести новый взгляд на вещи».

Согласно Пейну, оказавшемуся в 1795 г. не ко двору с теми же самыми убеждениями, которые привели к его избранию в Конвент тремя годами ранее, идея суверенитета народа основывается на здравом смысле (common sense) и ставит его во главу угла. Следовательно, именно народ должен учить элиты тому, как правильно заниматься политикой, а не наоборот. Элиты же не имеют никакого права отстранять народ от решения политических вопросов под предлогом его необразованности.

Однако именно последнее, с точки зрения Пейна, имело место при Термидоре, когда в ходе работы над Конституцией III года Республики (1795) Национальный Конвент решил отказаться от упоминания в Декларации прав об «естественных правах человека» и предложил считать гражданином лишь тех, кто соответствует определенному имущественному цензу. Поскольку Конвент был избран, по мнению Пейна, на основе всеобщего избирательного права, он не имеет права покушаться на равенство, ибо оно – фундамент его власти. Более того, поступая иначе, Конвент легитимизирует свое ниспровержение, ведь народ имеет полное право сопротивляться угнетению. И наконец, Конвент своими действия-

[5] *Dorigny M.* Paine Thomas // Dictionnaire historique de la Révolution française. P., 1989. P. 807-808.

ми ставит под вопрос само существование республики, поскольку та является не формой правления, а «общим делом» – *res publica* (P. 48-50).

Несмотря на всю значимость выступлений Пейна в Конвенте, Боск, на мой взгляд, преувеличивает роль своего героя. Так, он утверждает, что Пейн был единственным, кто осмелился публично высказаться против проекта, «призванного заменить “монтаньярскую” Конституцию 1793 г. и вновь ввести цензовое избирательное право», и добавляет, что многие монтаньяры к тому времени были уже исключены из Конвента, а «депутаты, сохранявшие свою приверженность Конституции 1793 года или критиковавшие новую магистральную линию Собрания предпочитали не говорить слишком громко о своем неприятии проекта» (P. 24). Однако это не совсем так. Пейн не высказывался против проекта в целом и не упоминал Конституцию 1793 года. Если кто и предлагал пересмотреть весь проект, так это Э.-Ж. Сийес в выступлении от 2 термидора (20 июля)[6]. За сохранение же прав, провозглашенных в 1793 г., выступали, помимо Пейна, и другие депутаты: например, Ж. Дебри, предложивший включить в Декларацию право на труд[7].

Отталкиваясь от идей, высказанных Пейном при Термидоре, Боск выстраивает свою монографию в виде расширяющихся концентрических кругов, по которым и проводит читателя. Автор отлично знает и чувствует материал: монография основана на изучении политических и философских трудов эпохи, многочисленных материалов архивов и отделов рукописей в библиотеках. Таким образом, казалось бы, локальный сюжет – принятие новой Декларации прав – вписывается в значительно более широкий исторический контекст.

Выходя за пределы дискуссии о Конституции 1795 г., Боск показывает, как Пейн углубил свои взгляды в памфлете «Аграрная справедливость» (1797) и как обосновывали свою правоту его идейные противники, в частности один из создателей Конституции III года Ф.-А. Буасси д’Англа, который доказывал, что разнузданная демократия породила систему Террора и единственный способ противостоять ей – это построить республику на иных принципах, нежели лежали в основе диктатуры монтаньяров. Боск исследует идейные

---

[6] *Sieyès E.J.* Opinion de Sieyès sur plusieurs articles des titres IV et V du projet de constitution, prononcée à la Convention le 2 thermidor de l'an troisième de la République. P., an III.

[7] Moniteur. 1795. № 289. P. 1166.

истоки подобных принципов и их внутреннюю противоречивость: Буасси, отмечает автор монографии, в выступлении, предварявшем дискуссию о конституции, заявлял, что никого нельзя лишить права быть гражданином (и это, по сути, предвосхищало аналогичную аргументацию Пейна), однако де факто проект Конституции ограничивал это право. А те меры, которые предлагали термидорианцы на будущее – введение образовательного и профессионального ценза, а также обязанности последовательно занимать общественные должности – оцениваются Боском как путь к окончательному превращению, если пользоваться терминологией Монтескье, демократической республики в аристократическую (P. 78).

Поднимаясь на более высокий уровень обобщения, Боск сравнивает Декларацию прав 1793 года, продолжавшую, по его убеждению, традицию текста 1789 года (P. 112), с Декларацией 1795 года. Автор подводит читателей к выводу о том, что никто из предшествовавших ему историков – ни сторонники Ф. Фюре, ни их антагонисты – не понимал сути произошедших при Термидоре изменений, если утверждал, что в 1795 г. депутаты «вернулись» в 1789-й. Напротив, Боск считает, что в 1795-м изменились сами основы республики: если для Пейна, как ранее и для монтаньяров, она была немыслима без равенства, то для термидорианцев Декларация прав являлась всего лишь линией водораздела между республиканцами и роялистами.

Отдельная и немалая часть монографии посвящена анализу аргументации термидорианцев. Боск тщательно реконструирует всю палитру их мнений, вникает в мельчайшие нюансы и демонстрирует, что они говорят с Пейном на разных языках: тот смотрит с позиций бедняка и полагает, что равенство – основа общества, а другие депутаты исходят из того, что каждый получает от общества ровно столько, сколько в него вкладывает, и отказ от уплаты налогов свидетельствует об отсутствии заинтересованности в общих делах (P. 169). Столь же убедительно автор доказывает, что со времен диктатуры монтаньяров взгляды на «естественные права» главных творцов Конституции – П. Дону и Буасси – радикально изменились, на что его предшественники до сих пор не обращали внимания.

Впрочем, далее, еще более расширяя поле своего исследования и стремясь показать, что после 9 термидора в течение года произошел постепенный отказ от тех принципов, на которых изначально основывалась Революция, Боск вступает на довольно зыбкую почву.

Если он прав в том, что переворот был совершен монтаньярами, изначально не стремившимися к изменению политического режима (P. 197), то уже следующее его утверждение – о том, что к лету 1795 г. депутаты черпали легитимность в самом перевороте, а не в принципах 1789 года (P. 212), нуждается в более убедительных доказательствах. Если это было бы действительно так, то едва ли во время дискуссии о новой конституции звучало бы столько отсылок к начальному периоду революции. Да и от Декларации прав депутаты вполне могли бы отказаться, как сделает это Бонапарт четыре года спустя.

Тем не менее, с точки зрения Боска, отказ от главного из этих принципов – от обращения к здравому смыслу, которое подменялось непонятной для простых людей апелляцией к «наукам об обществе», выводившей на первый план личные интересы, – позволил термидорианцам «создавать Конституцию III года под знаком свободы, хотя эта конституция самым парадоксальным образом порывала с принципами естественного права, которые как исторически, так и с точки зрения философии лежали в основании свободы» (P. 215). Призывая себе в союзники Г. Бабёфа, Б. Констана, мадам де Сталь, И. Бентама и Ж.-Б. Сэ, размышлявших о тех же предметах, автор приходит к выводу, что, начиная с Термидора, во Франции восторжествовали совершенно иные политические и философские принципы – прагматизм, утилитаризм, индивидуализм. На смену «естественным правам» пришли права личности, а демократический либерализм сменился индивидуалистическим, открыв путь к либерализму экономическому, адаптированному под нарождающийся капитализм. В доминировании общественных интересов над личными, в «растворении человека в гражданине» (P. 240) стали видеть причины возникновения не только «террористического» режима Робеспьера, но, впоследствии, и зародыш тоталитаризма Новейшего времени. «Вопреки тому, что мы учили, – подводит итог своим размышлениям автор монографии, – наша республика – это плод не победы принципов 1789 года, а их поражения» (P. 272).

Такой вывод, носящий, казалось бы, сугубо абстрактный характер, позволяет Боску, виртуозно владеющему философским инструментарием, дать новую трактовку Термидора[8], а также по-

[8] Автор отмечает, что в этом он следует за мыслями, высказанными Ф. Готье (хотя, на мой взгляд, существенно менее убедительно) более двух десятилетий назад. См.: *Gauthier Fl.* Triomphe et mort du droit naturel en Révolution. 1789-1795-1802. P., 1992.

ставить вопрос о правомерности существующей ныне периодизации и интерпретации Революции в целом. Его не устраивают ни «классическая», ни «критическая» парадигмы: 1795 г. – это не возвращение ни в 1789-й, ни в 1791-й, это полный разрыв с предшествующей традицией, это отказ от тезиса, что цель общества – всеобщее благо. Столь же далек автор и от марксистской концепции: разве можно считать Французскую революцию буржуазной, если при Термидоре буржуазия решительно порвала с тем, что до сего дня считается ее сутью?

На мой взгляд, концепция Боска интересна, но спорна. Трудно не согласиться с ним в том, что Конституция 1795 г. имела мало общего с принципом народного суверенитета и что из нее исчезла идея «естественных прав человека», то есть тех прав, которыми человек обладает от природы. Однако в данном отношении уже Конституция 1791 г., поделившая граждан на «активных» и «пассивных», порывала с «принципами 1789 г.». То же можно сказать и о Конституции 1793 г., давшей народу лишь сугубо гипотетическое право отвергнуть закон.

Пафос Пейна, вопрошавшего, кем же будут считаться лица, не удостоенные права гражданства, понятен. Однако в ходе той же дискуссии один из его коллег резонно заметил: «Если согласиться с тем принципом, что люди рождаются свободными и равными в правах, то я хочу спросить всех творцов системы, что они будут делать с буйно помешанными, сумасшедшими, женщинами, детьми и иностранцами»[9]. Другими словами, избирательное право все равно предполагало те или иные ограничения. Не говоря уже о том, что и в 1789 г., и в 1793-м, и в 1795-м собственно народ ничего не решал, а решали за него законодатели, в том числе и тогда, когда приняли Декларацию прав, объявили о свержении королевской власти, казнили Людовика XVI, отложили введение в действие Конституции 1793 г. Характеризуя деятельность термидорианцев, автор использует модный ныне во французской историографии термин «политика исключения». Однако если мы вспомним меры, принимавшиеся с 1791 г. против эмигрантов, или «Закон о подозрительных» 1793 г., то легко убедимся: «политика исключения» – отнюдь не изобретение термидорианцев.

Доводя мысль Боска до логического завершения, можно сказать, что нет ничего более далекого от духа и буквы Деклара-

[9] Moniteur. 1795. № 295. P. 1188.

ции прав человека и гражданина, чем формировавшаяся в ходе Французской революции политическая система с цензовым (каков бы ни был этот ценз) избирательным правом, недоверием к прямой демократии, Террором, произвольным исключением из нации отдельных категорий граждан, доминированием ситуативно понимаемого государственного интереса над правами человека, постоянным ограничением и нарушением этих прав. И термидорианская республика в данном отношении гораздо больше походила на правовое государство, нежели, к примеру, диктатура монтаньяров.

Но в подобном случае так ли важно присутствие в Декларации прав тезиса о том, что цель общества – всеобщее благо?

Термидор был, безусловно, победой прагматизма: «Это тот ключевой момент, когда Революция должна взять на себя бремя своего прошлого и признать, что она не сдержала всех своих изначальных обещаний»[10]. Именно тогда революционерам пришлось, исходя из собственного недавнего опыта, задаться вопросом: в какой мере «принципы 1789 г.» реализуемы на практике?

Включать или нет в Декларацию утверждение о том, что человек обладает рядом прав от природы, – момент действительно принципиальный. Если обладает, то законодатели не вправе их отобрать. Но обладает ли он ими? В ходе дискуссии 1795 г. Ж.-Д. Ланжюине не случайно признался, что в 1789 г. они с Ж. Петионом предложили записать, что люди рождаются и остаются равными в правах лишь для того, чтобы обосновать запрет дворянства[11]. Иными словами, Декларация 1789 г. была точно таким же детищем обстоятельств, как все последующие.

Другой же депутат резонно заметил, что «люди рождаются равными, но они не остаются таковыми даже в естественном состоянии, поскольку ничто не гарантировано до учреждения общества; в этом состоянии нет иного права, кроме как права силы»[12]. И дело даже не только в этом. «Люди равны, слышим мы, – писал один из публицистов. – Физически? Великан докажет вам, что он не равен карлику. Морально? Сократ будет отрицать, что он равен отцу Дюшену. Интеллектуально? Локк никогда не поверит, что он ра-

[10] *Бачко Б.* Как выйти из террора? Термидор и революция. М., 2006. С. 335.
[11] Moniteur. 1795. № 290. P. 1169.
[12] Moniteur. 1795. № 332. P. 1337.

вен Ноэлю-Пуанту»[13]. Какими же тогда правами обладают люди от природы? Как такие права выявить и как доказать их реальность? Термидорианцы задавали себе именно эти вопросы. И, как бы это не возмущало Пейна, они были продиктованы именно здравым смыслом.

Депутаты экспериментировали с политической системой. Они еще не понимали, как организовать ее наиболее оптимальным образом, но уже знали из своего предшествующего опыта, к каким печальным последствиям приводит попытка руководствоваться в практической политике абстрактными принципами. К тому же Декларация прав никогда не была юридическим документом прямого действия. Воспринимать ее можно было по-разному – как контуры «светлого будущего», путеводную звезду или инструкцию для законодателей. Но если в 1789 г. казалось правильным объявить, к чему нужно стремиться, чтобы как можно более решительно порвать со Старым порядком, то в 1795 г., с наступлением эпохи не разрушения, а созидания, опасность подобных абстракций стала очевидной.

«Декларация прав кажется менее полезной сегодня, чем в 1789 году, – писал один из создателей Конституции Ж.-Б. Лувэ. – Но следует ли из этого, что нужно отказаться от нее, отвергнуть это введение в Конституцию? Мы отнюдь так не думаем; нам лишь кажется, что нужно составить ее с большей осторожностью, чем в 1793 и даже в 1791 годах»[14]. Именно эта осторожность и привела к тому, что перечень прав в новой Декларации дополнялся перечнем обязанностей, а всякие упоминания о «естественных правах» были удалены как сугубо умозрительная конструкция. Равенство перед законом, свобода, собственность, безопасность – все эти права человека по-прежнему гарантировались, но гарантировались обществом. Таким образом, большая часть прав, провозглашенных еще в 1789 г., сохранилась и благополучно дожила до наших дней.

Впрочем, при всех своих спорных моментах книга Боска заставляет задуматься о том, как утраченные иллюзии трансформируются в миф о потерянном рае. Мы хорошо знаем на собственном опыте, сколь болезненно бывает, когда государство от-

---

[13] Депутат Конвента, монтаньяр. *Lezay-Marnezia A.* de. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 35-36. P., an III.

[14] La Sentinelle. An III. 20 messidor (8 juillet 1795.). № XV. P. 58.

рекается от лежавших в его основе идеалов, даже если они были бесконечно далеки от реально проводимой им политики. Отказ от идеалов не делает людей счастливыми. А потому разве не приятнее, как полагает Янник Боск, жить в обществе, провозглашающем своей целью – пусть и отдаленной – всеобщее благо, чем там, где право быть гражданином сугубо прагматически измеряется деньгами?

Список литературы

Бачко Б. Как выйти из террора? Термидор и революция. М., 2006. [Baczko B. Kak vyjti iz terrora? Termidor i revoljucija. M., 2006].

Чудинов А.В. Размышления англичан о Французской революции. М.: Памятники исторической мысли, 1996. [Tchoudinov A.V. Razmyshlenija anglichan o Francuzskoj revoljucii. M.: Pamjatniki istoricheskoj mysli, 1996].

Biard M., Bourdin Ph., Marzagalli S. Révolution, Consulat, Empire. 1789-1815. Paris: Éditions Belin, 2009.

Bosc Y. La terreur des droits de l'homme. Le républicanisme de Thomas Peine et le moment thermidorien. Paris: Éditions Kimé, 2016.

Dorigny M. Paine Thomas // Dictionnaire historique de la Révolution française. Paris ; Presses universitaires de France, 1989. P. 807-808.

Gauthier Fl. Triomphe et mort du droit naturel en Révolution. 1789-1795-1802. Paris : Presses Universitaires de France, 1992.

La Sentinelle. 20 messidor (8.07.1795.). № XV.

Lezay-Marnezia A. de. Qu'est-ce que la constitution de 93? P. 35-36. P.: chez Migneret, imprimeur, an III.

Moniteur. 1795. № 289, 290, 295, 332.

Sieyès E.J. Opinion de Sieyès sur plusieurs articles des titres IV et V du projet de constitution, prononcée à la Convention le 2 thermidor de l'an troisième de la République. Paris: Imprimerie nationale, an III.

Dmitry Yu. Bovykin

THE LOST ILLUSIONS. ON THE BOOK BY YANNICK BOSC

The presented essay is a review of the book by Yannick Bosc «Terror of human rights. The republicanism of Thomas Paine and Thermidor». Analyzing the discussion around the adoption of the Declaration of rights and duties of man and citizen of 1795 and Thomas Payne's speech during this discussion, the author analyses the refusal of Thermidorians from the

concept of "natural rights of man" and interprets Thermidor as a radical break with the previous ideological and political tradition. In his view, since that time, the democratic tendencies of the early years of the revolution have been replaced by the triumph of individualism, pragmatism and utilitarianism. Contrary to the established historiographical tradition, Bosc considers the modern political system of France not as a result of the victory of the "principles of 1789", but as a consequence of their defeat.

Keywords: Declaration of the rights of man and citizen, Y. Bosc, Th. Paine, Thermidor, National Convention, Constitution, French Revolution